

МАЛЫЙ, СРЕДНИЙ, БОЛЬШОЙ ГОРОД:
ВОПРОСЫ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

УДК 911.375.9

СЖИМАЮЩИЕСЯ ГОРОДА РОССИИ И КАЗАХСТАНА
В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ
В ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ

© 2026 г. П. Л. Кириллов^{1, *}, А. Г. Махрова^{1, **}, С. Г. Сафронов^{1, ***}

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

*e-mail: linard@mail.ru

**e-mail: almah@mail.ru

***e-mail: saffff@mail.ru

Поступила в редакцию 25.09.2025 г.

После доработки 07.10.2025 г.

Принята к публикации 28.10.2025 г.

Цель данной статьи состоит в попытке осмыслить особенности процесса сжатия городского пространства России и Казахстана в течение постсоветского периода. Методика работы включала в себя анализ динамики числа сжимающихся городов и их численности населения, хронологии сжатия в разрезе регионов, рассмотрение типов траекторий и факторов сжатия, а также оценку тенденций развития этой группы городов. Анализ, проведенный по данным переписей и текущего учета населения на основе показателя среднегодового индекса убыли населения (от 1% и более), показал, что в динамике (1989–2025 гг.) городское сжатие в этих двух крупнейших по территории государствах постсоветского пространства имеет как общие черты, определяющиеся высокой долей моногородов и разреженностью расселения, так и различия, обусловленные, прежде всего, естественным приростом/убылью и миграцией населения. В России процессы городского сжатия ускоряются за счет возобновления негативных демографических тенденций, что проявляется в увеличении как числа городов, так и регионального распространения явления. В то же время в менее урбанизированном Казахстане сжатие, достигнув пика в 1990-е годы из-за стрессовых миграций нетитульного населения, быстро снизилось в 2000-х годах за счет возобновления демографического роста и постепенно локализовалось в ограниченном числе центров в северных и восточных областях. Анализ типов траекторий сжатия показывает, что и в Казахстане, и в России в эту группу эпизодически попадали города, расположенные в агломерациях. В обеих странах улучшается ситуация у большинства областных центров, причем в Казахстане — быстрее за счет естественного прироста. Застойное сжатие испытывают преимущественно малые города, среди которых много райцентров и промышленных моногородов.

Ключевые слова: динамика населения городов, депопуляция, постсоветское пространство, траектории сжатия, факторы сжатия

DOI: 10.7868/S2658697526010062

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Феномен сжимающихся городов, отчетливо проявившийся еще в 1940-х годах в США, но по-настоящему осмысленный и отрефлексируемый лишь в конце 1990–2000-х годов, можно рассматривать как часть общего процесса нарастания неравномерности в развитии, который применительно к расселению проявляется в стремительном росте населения одних центров и быстрой депопуляции других. По мере накоп-

ления материала и осознания того, что явление имеет не локальный и штучный, а массовый характер, сравнительные и аналитические исследования были дополнены трудно обозримым количеством работ прикладной направленности, пытающихся нащупать модели и стратегии стабилизации для поселений с быстрым сокращением численности населения (Oswalt et al., 2006a, b).

В контексте городского сжатия уже достаточно четко определился круг факторов сжатия

при практически зафиксированном перечне выявляемых механизмов (демографический спад и миграционный отток, обусловленный экономическим спадом в целом и сокращением рынков труда) (Wang et al., 2020). Однако реальные кейсы, попадающие в поле внимания большинства авторов, уже практически не оперируют монофакторными оценками с привязкой к глобальным процессам, хотя в каждом конкретном случае набор таких факторов индивидуален (Hospers, 2014; Reckien, Martinez-Fernandez, 2011).

На современном этапе усложнение системы факторов и их комбинаций уводит от проблемы сжатия исключительно моногородов (Землянский, Ламанов, 2014; Reckien, Martinez-Fernandez, 2011), распространяясь по мере расширения процессов сжатия на более широкие совокупности урбанистических центров. Для больших выборок охваченных сжатием разнотипных городов на первый план выходят вопросы планирования сжатия (управляемого сжатия), поиска предельного уровня сжатия и возвращения к проблеме поиска оптимального размера городов (right-sizing) (Batty, 2008; Bernt, 2016; Hummel, 2014; Pallagst et al., 2009).

В последнее десятилетие в поле внимания исследователей городского сжатия вовлекаются новые регионы. Круг объектов исследования особенно значительно расширился после переписей 2010 и 2020–2021 гг., когда к традиционным полигонам исследования сжатия — сокращающимся городам Северной Америки и Западной Европы — сначала добавились страны Восточной Европы и постсоциалистические страны в целом [см. (Postsocialist ..., 2022; Rink et al., 2014; Silverman, 2020; Stryjakiewicz, 2022)], в том числе и постсоветского пространства. Появилась целая группа исследований по городам Японии и Австралии, а позже и Китая, вошедшего в фазу стагнации численности населения и замедления темпов урбанизации и корректировки урбанистической структуры (Meng, Long, 2022; Xu et al., 2024; и др.). Параллельно с этим происходит систематизация траекторий сжатия как по отдельным урбанистическим и региональным кейсам, так и крупным макрорегиональным совокупностям городов. Выявление механизмов волновой динамики городов (Xu et al., 2024) сопровождается динамическими исследованиями сжимающихся городов в контексте циклов сжатия, и шире — “жизненных циклов городов” [см., например, (Audirac, 2018; Naase et al., 2021; Mikel, 2020)] и глобальных урбанистических процессов в целом (Martinez-Fernandez et al., 2012; Newsham, Rowe, 2023).

Первоначально, как это уже бывало с другими аспектами и закономерностями развития городов, казалось, что закономерности сжатия общие, а модели и рецепты выходы из кризиса, прежде всего базирующиеся на опыте развитых стран, универсальны и могут легко транслироваться по всему миру (Oswalt et al., 2006b; Pallagst et al., 2009; Rink et al., 2009). Однако внешняя схожесть процессов, прежде всего формально-статистическая, не отменяют существенную вариативность проявлений городского сжатия. Социально-экономические и природные условия, плотность систем расселения обуславливают заметные различия в характере и соотношении факторов городского сжатия в разных регионах мира.

В этом отношении территория постсоветского пространства, которую объединяет общность хозяйственного и социально-экономического развития, имеет и свои общие, и региональные особенности. В России и Казахстане, двух крупнейших по территории республиках бывшего СССР, процессы городского сжатия представлены наиболее разнообразно, однако исследований по этой теме немного. Как научное направление тема сжатия российского городского пространства сформировалась в середине 2010-х годов (Гуныко и др., 2020; Ефремова, 2015; Averkieva, Efremova, 2022; Batunova, Gunko, 2018, 2022; Cottineau, 2016; и др.), хотя в хрестоматийном исследовании сжимающихся городов Ф. Освальда (Oswalt et al., 2006a) Иваново рассматривался в качестве одного из ключевых примеров. По Казахстану таких исследований буквально единицы (Махрова, Сафронов, 2025; Сергеева, Терещенко, 2022), в большинстве случаев эта тема только затрагивается (Айтказина, 2006; Искалиев, 2017). При этом работ, в которых проводилось бы сравнение процессов сжатия в этих двух странах, еще не выполнялись. Попытке осмыслить особенности этого процесса на примере двух крупнейших по территории государств бывшего СССР посвящен настоящий материал. Как меняется число, география размещения и численность проживающего населения в сжимающихся городах России и Казахстана? Каковы тенденции процесса сжатия городского пространства в обеих странах и как разные факторы проявляли себя в течение постсоветского периода? На эти и другие вопросы отвечает данная статья, в этом состоит ее новизна.

ДАННЫЕ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Феномен сжатия городского пространства имеет под собой целый ряд негативных проявлений, одно из которых — депопуляция — служит одновременно и формальным статистическим

индикатором отнесения городов к сжимающимся. На практике критерием урбанистического сжатия городов применительно к России и другим странам в большинстве работ признается уровень среднегодового снижения численности населения не менее, чем на 1% текущей численности населения (Гуныко и др., 2020; Averkieva, Efremova, 2022).

Процессы сжатия городов, как правило, рассматриваются в определенной временной ретроспективе с опорой на данные переписей населения и текущего учета населения, при этом к оценкам и статистическому измерению городского сжатия можно подходить по-разному. Например, можно рассматривать длительный период (в нашем случае 1989–2021 гг., т.е. период охватывает четыре переписи населения и, соответственно, три межпереписных интервала). Формально, с методической точки зрения это правильнее, чем оперировать данными текущего учета населения или ограничиваться отдельными межпереписными периодами. В то же время такие наблюдения позволяют рассматривать случаи, когда город входил в число сжимающихся не три, а два или один раз, что можно определить как непостоянное, “мигающее” сжатие. Кроме того в рамках настоящего исследования помимо изучения динамики категории сжимающихся городов особое внимание приковано к группе постоянно сжимавшихся городов, показавших устойчивое соответствие критерию сжимающихся городов (среднегодовое снижение численности населения не менее, чем на 1%) по итогам всего периода с 1989 по 2021 г.

Методика исследования базировалась в основном на уже апробированных авторами подходах (Махрова, Сафронов, 2025; Makhrova et al., 2023) и включала в себя несколько последовательных этапов. После выделения сжимающихся городов был проведен сравнительный анализ динамики числа и численности населения¹ сжимающихся городов в целом, а также по группам людности в разрезе малых (менее 20 тыс. чел.), средних (20–50 тыс.), больших (50–100), крупных (100–250 тыс.) и крупнейших (более 250 тыс. чел.) городов. Затем была рассмотрена хронология сжатия в разрезе регионов России и Казахстана и выделены типы траекторий динамики. На двух заключительных этапах были проанализированы факторы сжатия и дана оценка тенденций их развития в предшествующий период и в 2020-е годы. За исключением раздела про факторы сжатия, где были использованы материалы российской БДПМО и казахстанской инфор-

мационной базы ТАЛДАУ по естественному и механическому движению населения сжимающихся городов в разрезе областей обеих стран, остальные разделы были написаны на основе данных переписей населения и текущей статистики.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Динамика числа и численности населения сжимающихся городов. Анализ процесса городского сжатия в России и Казахстане, проведенный за весь постсоветский период, показывает, что для этих двух стран, несмотря на их многие общие характеристики и черты развития, которые, казалось бы, должны унифицировать процессы сжатия, характерна разная динамика количества таких центров.

В течение первого десятилетия после распада Советского Союза (условно — в 1990-е годы) в РФ число и удельный вес сжимающихся городов были относительно небольшими (245 центров или менее четверти всех городов страны). Для Казахстана это время, наоборот, было периодом пика городского сжатия, когда оно охватило 53 центра или 60% всех городов страны, что было связано с массовым оттоком русскоязычного населения.

В следующие два десятилетия, которые пришлись на 2000-е–2010-е годы, траектории динамики сжимающихся городов в обеих странах были противоположными. В России пик сжатия городского пространства страны пришелся на нулевые годы (391 центр или более трети всех российских городов). В 2010-е годы наблюдалась стабилизация числа и удельного веса сжимающихся центров. В Казахстане в этот период, как и в предыдущее десятилетие, по мере восстановления демографического роста число и доля сжимающихся городов продолжали снижаться (табл. 1). При этом в целом по итогам трех десятилетий постсоветского периода, несмотря на изменчивость числа сжимающихся городов, их удельный вес в структуре всех городов различается не очень значительно, составляя 27.1% в России и 25.8% в Казахстане.

В течение 2020-х годов негативные демографические тенденции и экономическая нестабильность создают предпосылки для новой фазы расширения процессов сжатия “вглубь” и “вширь”, в результате чего траектории динамики урбанистического сжатия в России и Казахстане синхронизировались. В РФ в течение короткого постпереписного периода наметилась тенденция скачкообразного роста числа сжимающихся городов (более чем на 10% за четыре года). В Казахстане их число выросло почти

¹ Следует отметить, что численность населения рассчитана унифицированно на начало, а не на конец каждого из рассматриваемых периодов, как это сделано в работе по РФ.

Таблица 1. Динамика числа и доли сжимающихся городов в России и Казахстане, 1989–2025 гг.

Число городов, ед.						
Россия	1989–2002	2002–2010	2010–2021	1989–2021	2021–2025*	1989–2025*
	245	391	399	290	452	291
Казахстан	1989–1999	1999–2009	2009–2021	1989–2021	2021–2025*	1989–2025*
	53	21	9	23	13	17
Удельный вес в общем числе городов страны, %						
Россия	1989–2002	2002–2010	2010–2021	1989–2021	2021–2025*	1989–2025
	23.9	35.6	36.5	27.1	42.1	27.1
Казахстан	1989–1999	1999–2009	2009–2021	1989–2021	2021–2025*	1989–2025
	60.0	23.0	10.1	25.8	14.4	19.1
Численность населения на начало периода, тыс. чел.						
Россия	1989–2002	2002–2010	2010–2021	1989–2021	2021–2025*	1989–2025*
	9773.0	12135.6	12443.2	10399.9	15432.9	10505.8
Казахстан	1989–1999	1999–2009	2009–2021	1989–2021	2021–2025*	1989–2025*
	3428.3	486.7	149.9	732.1	189.0	562.2

Примечание: * оценка по данным текущего учета населения.

в полтора раза, хотя в абсолютном выражении их число пополнилось всего несколькими городскими центрами.

Динамика охвата городского населения процессами сжатия в России и Казахстане также не была синхронной. В 1990-е годы в Казахстане эти процессы протекали гораздо интенсивнее как за счет изначального вовлечения в них большей части городов, так и за счет темпов депопуляции (табл. 2), опережавших на первых стадиях российские почти в 1.5 раза (2.5 против 1.8%).

При том, что в дальнейшем в обеих странах темпы самого сжатия постепенно снижались и стабилизировались, а основным фактором разнонаправленной динамики охвата населения этими процессами стало пополнение списка городов за счет распространения сжатия на новые центры (в России) и постепенный выход городов из этой фазы (в Казахстане).

Вхождение большого количества городов в фазу сжатия в первой половине 2020-х годов (по данным текущего учета населения) привело к резкому (почти полуторакартному) увеличению численности населения, проживающего в сжимающихся городах. В то же время погодная динамика показывает и тенденции некоторого сглаживания масштабов сжатия. Такая динамика может быть объяснена проявлением объективных факторов убыли (избыточная эпидемиологическая смертность, демографи-

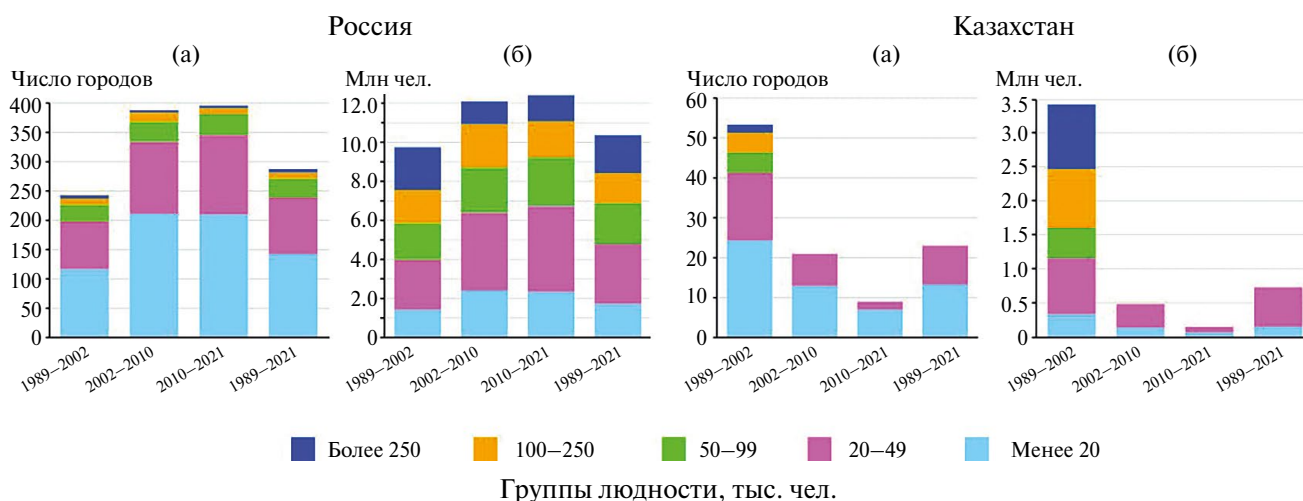
ческие тенденции, геополитические условия, перестройка рынка труда). Частично наблюдаемый прирост числа сжимающихся центров может быть следствием вариативности данных текущего учета населения, которая может сгладиться по итогам всего межпереписного периода.

Сжимающиеся города разных групп людности. В России процессы урбанистического сжатия охватили широкий круг городов разной людности — от изначально четырехсоттысячных Мурманска, Архангельска, шести 200-тысячников и около десятка 100-тысячников до крайне малых городов с населением всего в несколько тысяч человек. В Казахстане в круг сжимающихся попали четко выраженные группы городов двух калибров, на каждую из которых приходится ровно по половине кризисных центров этого типа (рис. 1). Первая охватывает города с изначальной численностью населения от 40 до 70 тыс. чел., т.е. полусредние и средние центры. Вторая группа представлена малыми городами людностью менее 20 тыс. чел. (по факту даже менее 18 тыс. чел.). Как правило, это локальные центры с узкой производственной специализацией.

Абсолютное преобладание малых городов, наиболее уязвимых как с экономической, так и с демографической точек зрения, — общая черта, объединяющая структуру сжимающихся городов в двух странах (см. рис. 1). Следует отметить, что

Таблица 2. Распределение постоянно сжимающихся городов России по типам траекторий сжатия в 1989–2021 гг.

Тип траектории	Характеристика динамики	Число городов, ед.	
		Россия	Казахстан
1	Ускорение сжатия	82	2
2	Возобновление сжатия, в том числе:	81	7
	<i>ускоренное</i>	42	1
	<i>замедленное</i>	39	6
3	Преодоление пика сжатия, в том числе:	81	1
	<i>замедленное</i>	31	0
	<i>ускоренное</i>	50	1
4	Замедление сжатия вплоть до выхода из сжатия или его исчерпания	46	13
Всего городов		290	23

Рис. 1. Структура сжимающихся городов России и Казахстана по разным группам людности (тыс. чел.) по числу городов (а) и суммарной численности населения (б), 1989–2021 гг.
Составлено по данным переписей населения России и Казахстана.

в Казахстане более крупные города составляли заметную часть сжимающихся лишь в течение первого межпереписного периода, когда кризис градообразующей базы совпал с массовым оттоком русскоязычного населения.

На этом этапе их доля в суммарном населении сжимающихся городов достигала 50%. В последующем состоянии крупных городов, а они в Казахстане в основном представлены областными центрами, стабилизировалось. В России же сохраняется пусть и небольшая, но устойчивая группа средних и даже крупных по численности городов, на разных этапах попадавших в число сжимающихся. Их вклад в население для всего интервала 1989–2021 гг. составлял более 35%, а максимальное его значение было на протяжении двух первых межпереписных этапов, доходив до 40%.

Хронология сжатия. Пространственная проекция сжатия определяется набором переплетающихся между собой факторов — длительностью и характером освоения территории, с которыми связана структура городов по людности, их количество и хозяйственные особенности.

В РФ на первом этапе (1989–2002 гг.) хорошо выделяются территории, охваченные кризисом и безработицей. Наряду с классическими сырьевыми регионами (Республика Коми, Мурманская обл., Кузбасс) быстро среагировали на экономические сдвиги Европейский Центр и Северо-Запад. Кризис сказался на моноселениях с горнодобывающими и лесозаготовительными предприятиями в Сахалинской и Амурской областях, в полосе вдоль Транссиба и БАМа, а также на Урале и тяготеющей к нему Кировской обл.

В следующее десятилетие при резком увеличении числа сжимающихся городов по мере развития в них кризисных процессов происходит резкое расширение границ ареалов сжатия за счет новых городов в Центре и на Урале, в Черноземье и на Северном Кавказе. В Азиатской части заметное расширение зоны сжатия происходит в Алтайском крае. В течение третьего межпереписного периода сжатие все более приобретает социально-демографические черты. Первоначальный экономический шок и основная шоковая волна мигрантов — в прошлом: начинается систематический отток наиболее активного населения в более крупные центры. Ареал сжатия в целом сохраняется, несколько уменьшаясь лишь в более благополучных с точки зрения естественного воспроизводства регионах Северного Кавказа.

В РФ на протяжении всех трех межпереписных периодов в зону сжатия стабильно попадают, во-первых, крупные горнодобывающие и металлургические центры как на староосвоенном Урале, так и в регионах более молодого советского индустриального освоения — в Республике Коми, Сахалинской, Амурской, Иркутской и Мурманской областях, а во-вторых, периферийные малые города областей Центрального и Северо-Западного районов, с самого начала постсоветского сжатия оказавшиеся в зоне сильного влияния крупнейших агломераций (рис. 2).

В Казахстане городское сжатие имело скорее обратную пространственную динамику. В течение первого межпереписного периода его география была наиболее широка, охватывая все

районы концентрации городов — как на Севере и Востоке, так и на Юге республики. Во втором межпереписном периоде позитивные изменения в демографической ситуации, охватившие в первую очередь южные области, привели к существенному уменьшению числа сжимающихся городов и численности их населения (Махрова, Сафронов, 2025). Центр ареала сжатия сместился в северные и восточные районы. На третьем этапе число сжимающихся городов резко сократилось: они были представлены отдельными проблемными центрами в разных частях Казахстана. В результате на протяжении всех трех периодов лишь Серебрянск в Восточно-Казахстанской области неизменно попадал в число сжимающихся.

ТИПЫ ТРАЕКТОРИЙ СЖАТИЯ ГОРОДОВ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

Неоднородность развития сжимающихся городов позволила оперировать несколькими типами их динамики, ранее выделенной для России (Makhrova et al., 2023) в период с 1989 по 2021 г., что позволяет дифференцировать разные по особенностям динамики и отчасти оценить тенденции преодоления сжатия. При разных вариантах типов траекторий сжатия, выделенных для РФ, в рамках настоящего исследования предложенная ранее типология генерализована за счет объединения динамических тенденций в четыре типа (см. табл. 2). Полученные таким образом группы городов оказываются близкими по весу.

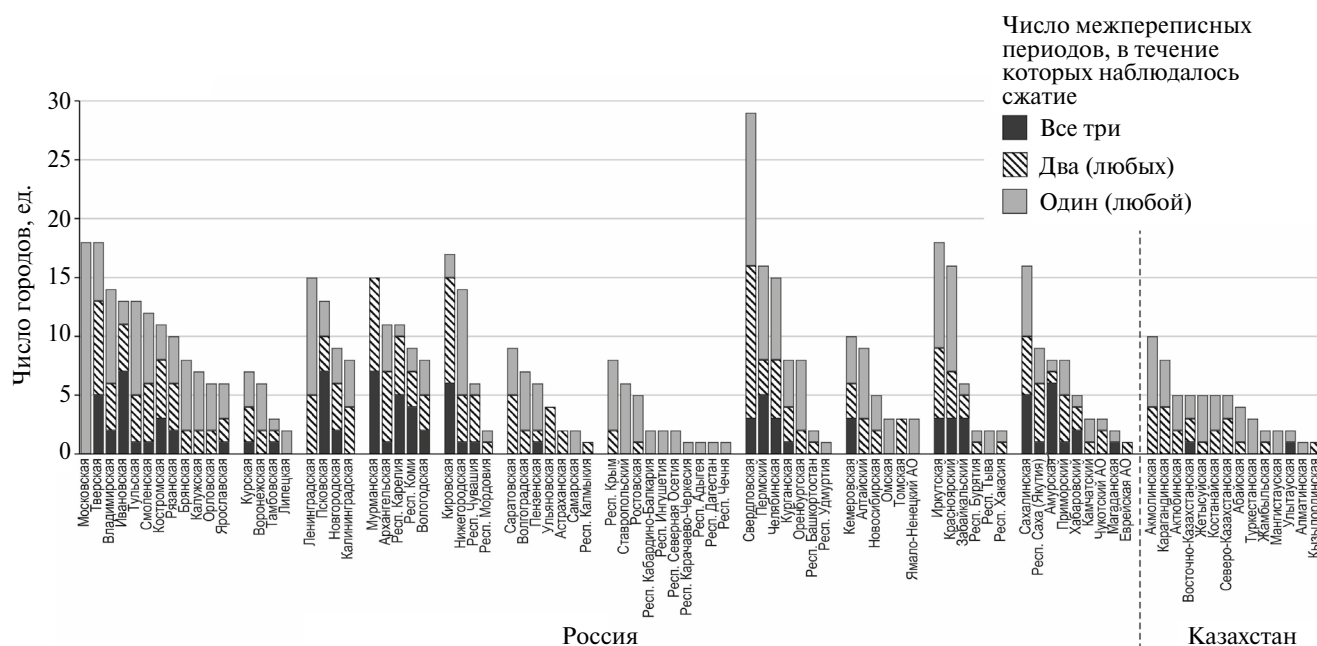

Рис. 2. Сжимающиеся города России и Казахстана в разрезе регионов, 1989–2021 гг.

Составлено по данным переписей населения России и Казахстана.

Так, в РФ к *первому типу* — самому пессимистичному — относятся в основном города, расположенные в традиционных районах депопуляции, потенциал сжатия которых оказывается еще не до конца исчерпанным. “Лидирующие” позиции здесь занимают средние, малые и сверхмалые города Нечерноземья, Дальнего Востока, Урала, Поволжья.

Ядро *второго типа* (позднего сжатия) образуют также города-представители районов депопуляции. Характерно, что к этому типу относится много городов Севера, сталкивающихся уже со второй волной депопуляции. Здесь бросается в глаза присутствие некоторых крупных городов и даже некоторых административных центров (Мурманск, Архангельск, Магадан). К случаям такого позднего старта сжатия в России относятся и многие старопромышленные центры.

Третий, сдержанно “оптимистичный” тип, объединяет города с преодоленным максимумом сжатия, однако перспективы большинства входящих в него центров остаются пока слабо предсказуемыми. Они могут как постепенно выходить из кризиса, так и быть уязвимыми для общероссийских факторов депопуляции. Среди характерных представителей типа — вторые и третьи по людности города своих регионов, ключевые промышленные центры (например, Березники, Усть-Илимск, Рыбинск).

Четвертый тип объединяет города, имеющие наилучшие предпосылки для преодоления кризисных этапов развития. Здесь также встречаются центры промышленного производства, в том числе и испытывавшие максимальный спад градообразующего сектора еще в 1990-е годы. Для типа характерны примеры угледобывающих центров (например, Ленинск-Кузнецкий, Воркута, Анжеро-Судженск и др.). По сути, это уже сжавшиеся до “физиологического” минимума города, которые попали в эту категорию, утратив значительную часть населения на более ранних этапах.

В отличие от российских городов, равномерно дифференцированных по характеру динамики в силу большей вариативности факторов сжатия, казахстанские центры характеризуются более неравномерным распределением по типам динамики. Из 23 сжимающихся городов Казахстана подавляющее большинство (13) относятся лишь к одному четвертому типу.

К первому типу динамики, характеризующемуся интенсификацией сжатия (к которому среди российских городов относится значительное число перманентно кризисных малых и сверхмалых городов), относятся только два города — Каражал и Шар, демонстрирующие ускоряющуюся депопуляцию. Это “роднит”

их со многими периферийными (в том числе внутренне периферийными) городами России, малыми городами Центра и Нечерноземья, в которых процесс кризисной депопуляции растянут во времени.

Ускоренная негативная динамика сжатия после периода смягчения темпов сжатия в “нулевые” годы характерна и для Серебрянска (второй тип динамики), где в последние годы наблюдается ускорение динамики сжатия и возобновление негативных тенденций. Еще два города (Сарань, Темир), несмотря на разный размер, характеризуются синхронным, но сдержанным возобновлением процессов сжатия, что может свидетельствовать, как о предрасположенности к долгосрочному сжатию, так и о неустойчивости общей динамики развития. Ко второму типу можно причислить и города с неполным рядом данных о численности населения (Байконур, Приозерск, Курчатов, Жем).

Третий тип динамики наблюдается в Аркалыке, преодолевшем наибольший спад в ходе затянувшейся реакции на утрату статуса областного центра в 1997 г. В настоящее время он уже характеризуется ростом численности населения.

К четвертому типу, характеризующемуся высоким потенциалом выхода из фазы активной депопуляции, в Казахстане, как и в России, относится большинство наиболее крупных горнорудных центров (Риддер, Шахтинск и др.), кризисная динамика которых быстрыми темпами замедляется или вовсе сменилась посткризисным ростом (Жанатас, Каратау). Аналогичные траектории демонстрируют и некоторые более мелкие города, преодолевшие пик депопуляции.

В целом анализ типов траекторий сжатия позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, и в Казахстане, и в России в зону сжатия эпизодически попадали города, расположенные в агломерациях, но они туда попали в 1990-х годах и благополучно вышли из этой категории. Во-вторых, в обеих странах выправляется ситуация у большинства областных центров, причем в Казахстане это происходит быстрее за счет положительного естественного прироста. В-третьих, в малых городах ситуация схожая, отличается лишь момент начала сжатия. В-четвертых, в группу тех городов, которые в последнее десятилетие сжимались не так быстро, попадают центры, в которых локализовались инвестпроекты, и города, которые в предыдущие два десятилетия сокращались наиболее быстро. В-пятых, анализ показывает, что застойное сжатие испытывают преимущественно малые города, причем таких примеров нет в зонах влияния столичных агломераций.

Факторы сжатия. Среди ряда факторов, приводящих к городскому сжатию, можно выделить две основные группы — экономические, связанные с состоянием ведущих предприятий города, и демографические. Традиционно первые рассматривались как исходные, ведущие (Naase et al., 2014; Pallagst, 2009; Silverman et al., 2013). Так было и в постсоветских странах в период шоковых реформ 1990-х годов, существенно поменявших территориальную структуру многих отраслей и приведших к разрыву экономических связей внутри прежде единого народного хозяйства (Антонов и др., 2014; Ефремова, 2015). Однако постепенно вторая группа стала играть самостоятельную роль, когда процессы сжатия уже не определяются исключительно состоянием местного рынка труда, а существенно зависят от естественного прироста (убыли) и миграции населения, что хорошо показывает пример обеих стран.

В России проблема преодоления сжатия в последние десятилетия также все более сдвигается из чисто экономической в демографическо-расселенческую плоскость, что значительно осложняет ее решение. Спад рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни в кризисных центрах приобрел постоянный характер, усугубляющийся постоянным миграционным антиотбором жителей. После завершения этапа кризисной адаптации населения происходит постепенная смена поколений, когда наиболее активные жители уезжают и уже не столь сильно ориентируются на градообразующие предприятия. Последние, в свою очередь, оптимизируют деятельность, проводя модернизацию и сокращение нерентабельной части производства и избыточной занятости, начинают осваивать новые рекрутинговые формы замещения производственных вакансий.

Оценка вклада двух основных факторов динамики численности населения (уровня естественной убыли и миграционного оттока), проведенная для разных регионов Российской Федерации и Республики Казахстан, хотя и носит оценочный характер, связанный с многочисленными лагунами данных, но довольно наглядно отражает степень обусловленности ими процесса сжатия в обеих странах, несмотря на довольно небольшое число рассмотренных городов (см. рис. 2).

В РФ большинство сжимающихся городов в староосвоенных регионах Центра и Северо-Запада, в русскоязычных областях Северного Кавказа и Поволжья, а также в Курганской обл. и Алтайском крае имеют весьма низкие значения естественного прироста, которые вносят в их “сжатие” основной вклад. При этом мигра-

ционный отток выступает ведущим фактором депопуляции в регионах относительно нового освоения на Европейском Севере, в депрессивных местностях Сибири и Дальнего Востока на фоне чуть более благополучной ситуации с естественным воспроизводством. Промежуточное, переходное положение занимают сохраняющие умеренный демографический потенциал национальные республики Волго-Вятки и некоторые более южные области Поволжья. Лишь отдельные сжимающиеся города, расположенные или в традиционно привлекательных (в прошлом) для трудовых мигрантов регионах Западной Сибири, или в национальных республиках, титульное население которых еще до конца не завершило демографический переход, сохраняют положительные значения естественного воспроизводства (рис. 3).

На большей части Казахстана демографический фактор “работает” в противоположном направлении. Завершение активного оттока нетитульного населения, восстановление внутриобластных миграций сельских жителей в города и возврат в 2000-е годы к режиму расширенного воспроизводства стали причинами заметного уменьшения числа сжимающихся городов. Общее отрицательное миграционное сальдо было частично компенсировано положительным естественным приростом, что позволило значительной части сжимающихся городов покинуть эту группу (Махрова, Сафронов, 2025). В настоящее время демографический фактор консервирует ареал сжатия в основном в полупериферийных и периферийных районах Севера республики, где естественный прирост не восстановился или его недостаточно для компенсации миграционного оттока. Это небольшие города-станции на Транссибе и Турксибе (Мамлютка, Шар), и города, связанные в прошлом или настоящем с горнодобывающими производствами (Риддер, Алтай, Аркалык, Каражал).

Несмотря на постепенные сдвиги от преимущественно экономических к демографическим детерминантам городского сжатия на постсоветском пространстве, функциональная специализация городов, которая хотя и косвенно, но дает представление о состоянии экономики отдельных территорий, оказывает влияние на динамику числа и численности населения этих центров.

В целом за период 1989–2021 гг. основную долю сжимающихся городов составляли две группы, общие и для России, и для Казахстана: центры административных единиц без четко выраженных производственных функций, малые промышленные центры и города, выполняющие специальные функции. При этом абсолютно преобладают представители первого из них —

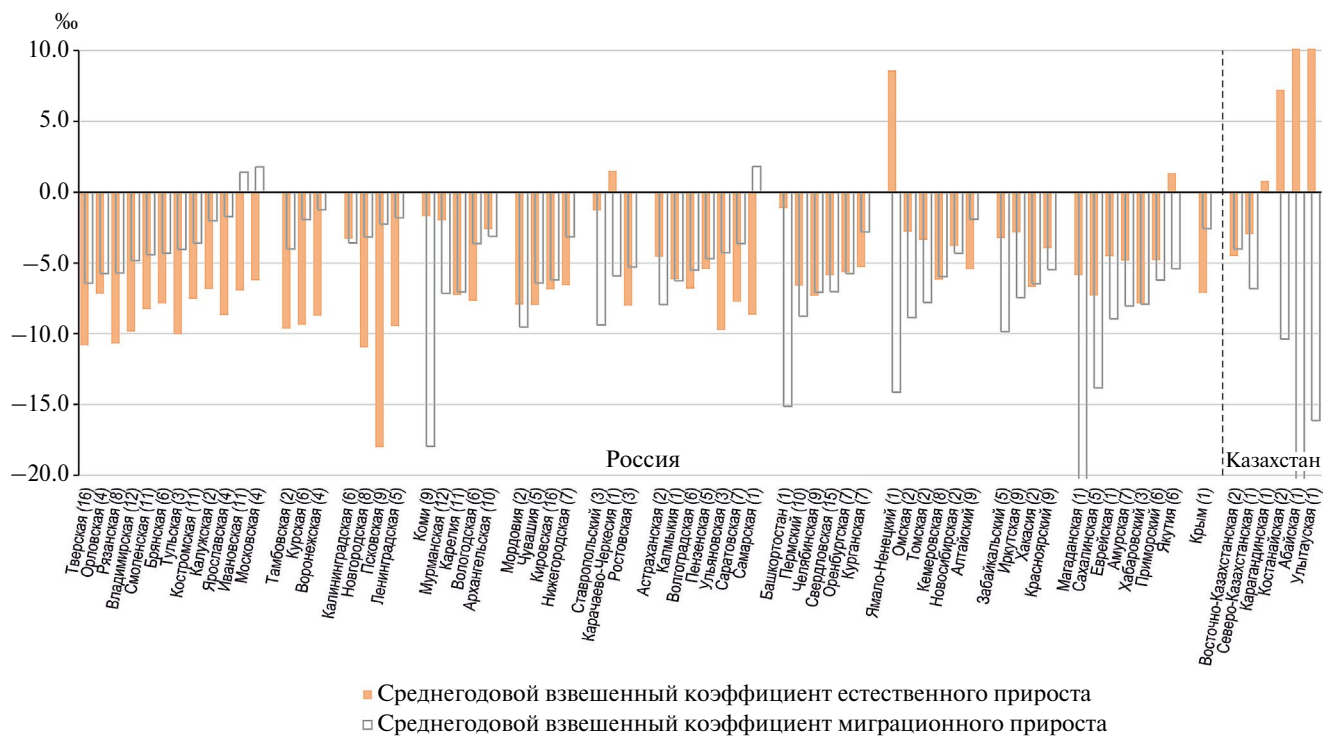

Рис. 3. Среднегодовые взвешенные общие коэффициенты естественного и миграционного прироста (убыли/оттока) для сжимающихся городов по регионам России и Казахстана в 2012–2022 гг., %.

Примечание: в скобках дано число учтенных городов.

Составлено по данным БДПМО Росстата и казахстанской информационной базы ТАЛДАУ.

райцентры без крупных градообразующих предприятий с населением менее 50 тыс. чел., доля которых в общем числе сжимающихся городов и в России, и в Казахстане превышает 70% (рис. 4).

В РФ 72% из них расположены в Европейской части: в том числе 46% в Нечерноземной зоне и еще чуть более 10% на Европейском Севере, где ситуация наиболее сложная как с экономической, так и с демографической точек зрения. В регионах Черноземья, Поволжья и юга европейской части, на которые в целом за период 1989–2021 гг. приходилось около 15% сжимающихся райцентров, их число более чем вдвое выросло во втором и третьем межпереписных периодах по мере ухудшения демографической ситуации.

Хотя абсолютное число сжимающихся городов-райцентров в Азиатской части страны (28% от общего их числа) по трем межпереписным периодам почти не менялось (45–46), в целом за 1989–2002 гг. их число оказалось заметно больше — 58 городов. Такого превышения не фиксируется нигде в европейской части. В Азиатской России наряду с ареалами хронического сжатия (отдельные районы Дальнего Востока), в Западной и Восточной Сибири есть регионы, где многие города попадали в число сжимающихся не регулярно, а остро реагируя

на конкретные волны экономического кризиса или структурные преобразования в экономике. Среди них выделяется группа поселений-бывших транспортных узлов, пострадавших в ходе внутренних реформ в РЖД. В целом в Азиатской части страны меньшая плотность расселения и ограниченность влияния крупных агломераций способствуют быстрому развитию негативных процессов, приводящих к городскому сжатию.

В Казахстане в целом за период 1989–2021 гг. райцентры также составляют почти три четверти от общего числа и 60% населения сжимающихся городов. Это в первую очередь малые и средние по размеру города без сильной градообразующей базы, в прошлом связанные с АПК, железнодорожным транспортом, или выполнявшие специальные функции.

Вторая по значимости группа — промышленные моногорода, которых в силу особенностей освоения и урбанизации немало как в Азиатской части России, так и в Казахстане. Динамика численности населения в этой группе наиболее пестрая — в зависимости от того, как постсоветские волны экономического кризиса повлияли на их градообразующие предприятия, и какую политику по отношению к ним проводили крупные холдинги (Зубаревич, 2005). Хотя в целом незначительно преобладает негативная

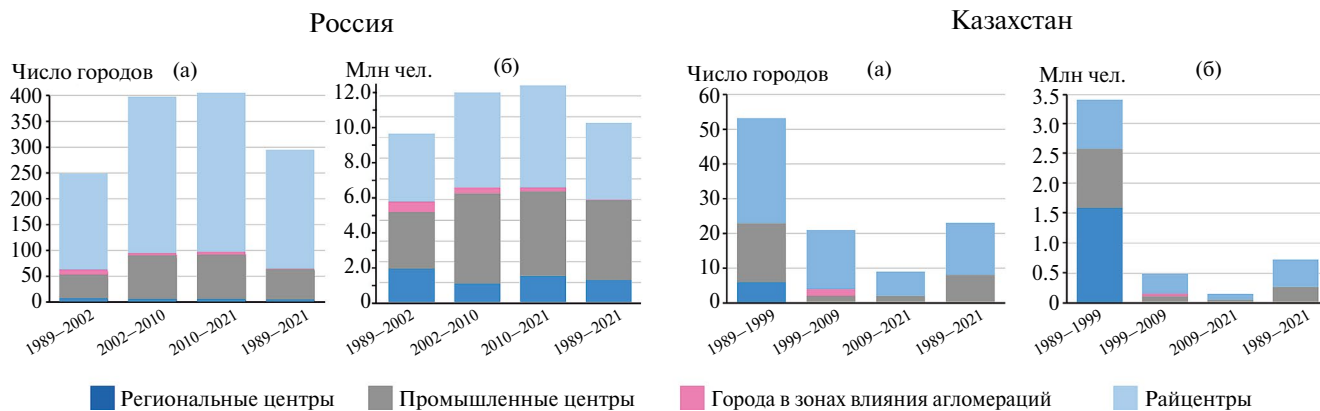

Рис. 4. Структура сжимающихся городов России и Казахстана разных групп людности по функциональным типам, 1989–2021 гг. (а – число городов; б – численность населения городов).

Составлено по данным переписей населения России и Казахстана.

динамика, нарастание сжатия, в группу тех, кто в последнее десятилетие уменьшается не так быстро, попадают города, которые в предыдущие два десятилетия в результате ускоренного сжатия уже успели исчерпать свою демографическую базу или локализовали новые инвестиционные проекты.

В обеих странах среди сжимающихся городов почти нет как сильных региональных центров, так и городов в зонах влияния столичных агломераций. В Московской и Ленинградской областях, значительная часть территории которых представляет собой пригородные зоны двух крупнейших российских агломераций, сжимающиеся города присутствовали лишь в первой половине 1990-х годов, когда в процессе стрессовой адаптации более активная часть населения городов-спутников устремилась в поисках работы в ближайшие более крупные центры. В Казахстане, где в этот период процессы сжатия охватили ряд региональных центров, заметную роль сыграла иммиграция русскоязычных жителей областных центров Севера республики, которая на более поздних этапах частично была скомпенсирована миграцией титульного населения.

Таким образом, в обеих странах спусковым крючком распространения городского сжатия стал распад единого народнохозяйственного комплекса и последующие волны стрессовых миграций, а не структурные кризисы, связанные с чередованием волн развития мировой экономики, характерные для западных стран. В дальнейшем траектории городского сжатия России и Казахстана заметно разошлись: определяющее влияние тут принадлежит различиям в динамике естественного воспроизводства, обусловленным разными стадиями демографического перехода. Определенное влияние продолжает оказывать и функциональная структура городов, доля

ресурсодобывающих моноцентров. В итоге набор факторов городского сжатия для стран постсоветского пространства внешне выглядит аналогичным, однако их природа и скорость проявления несколько иная, чем в развитых странах.

Оценка новейшей динамики развития сжимающихся городов (в 2020-х годах). Актуальные тенденции сжатия городов предварительно можно оценить по первым четырем годам текущего межпереписного периода на основании данных текущего учета населения. Даже несмотря на преждевременность выявления устойчивых закономерностей по итогам такого непродолжительного периода, следует заметить, что система факторов динамики городов существенно трансформировалась. Последствия пандемийной динамики наложились на ожидаемое замедление темпов естественного прироста, усиленные в Казахстане и тенденцией активизации демографического перехода. Под влиянием геополитических обстоятельств и санкций изменились условия развития городов России, возникли новые факторы оттока населения из проблемных центров, значительно перестроился рынок труда, переориентировались некоторые связанные со всем перечисленным миграционные перетоки населения.

В результате наложения фоновой динамики сжимающихся городов и перечисленных новейших факторов в пределах этого периода число городов, подпадающих под формальные критерии сжатия, в обеих странах существенно увеличилось по сравнению с последним межпереписным периодом (2010–2021). В России их число превысило 450 (прирост — 53 города), в Казахстане — увеличилось с 9 до 13 (см. табл. 1). Помимо общего роста числа сжимающихся городов в начале 2020-х годов прослеживается заметное обновление их состава в обеих странах.

В России из списка сжимающихся вышло 119 городов, а 172 его пополнили. Покинули состав группы, исчерпав потенциал депопуляции, такие адепты сжатия как Мурманск и Воркута. Формально приостановили процесс сжатия многие типопредставители группы малых городов Нечерноземья и Севера, среди которых примечательны, например, Мезень (Архангельская обл.), Олонец (Республика Карелия), Пошехонье (Ярославская обл.), Харовск (Вологодская обл.), Демидов (Смоленская обл.). В то же время темпы депопуляции, превышающие порог сжатия, охватили ранее не попадавшие в число сжимающихся города Центральной России, Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. Значительный вклад в пополнение группы внесли пограничные с Украиной города Брянской, Курской и особенно Белгородской (включая сам Белгород) областей. Особенностью периода, которая также требует верификации временем, стало первичное проявление сжатия во многих периферийных центрах столичных областей (Руза, Шатура, Можайск, Волоколамск, Сергиев Посад и др. — в Московской обл.; Кириши, Луга, Никольское, Волосово — в Ленинградской обл.).

В Казахстане вышли из зоны сжатия пять городов, а пополнили группу сразу девять, в том числе впервые вошедшие в фазу сжатия в основном за счет миграций трудоспособного

населения в близлежащую Астану три города районного подчинения Акмолинской обл. (Ерейментау, Атбасар, Акколь).

Группа постоянно сжимающихся городов (290 российских и 23 казахстанских) в 2020-х годах в целом характеризовалась постепенным снижением темпов сжатия и переходом значительной части центров в категорию убывающих или даже умеренно растущих. В общей сложности в 2022–2025 гг. в России темпы спада в 1% и более сохраняли 210 из 290 из числа постоянно сжимающихся городов. В Казахстане сжатием было охвачено около четверти из них (6 из 23), а большинство городов переключились в “умеренно убывающие”.

В долгосрочной ретроспективе в обоих случаях наблюдается замедление сжатия: в России средние темпы спада снизились с 1.46 в 1989–2021 гг. до 1.28%, а в Казахстане значительно быстрее — с 1.62% до 0.82%. При общей положительной динамике сжатия с 1989 г. (рис. 5), локально тенденции принципиально расходятся: если российские города возобновили позитивный тренд, затормозившийся в 2010-е годы, то казахстанские, напротив, в последние три года замедлили выход из депопуляции.

При этом в обоих случаях наблюдается консолидация группы постоянно сжимающихся городов в районе среднегодовых темпов сжатия (1.28 для России и 0.82 для Казахстана), различия

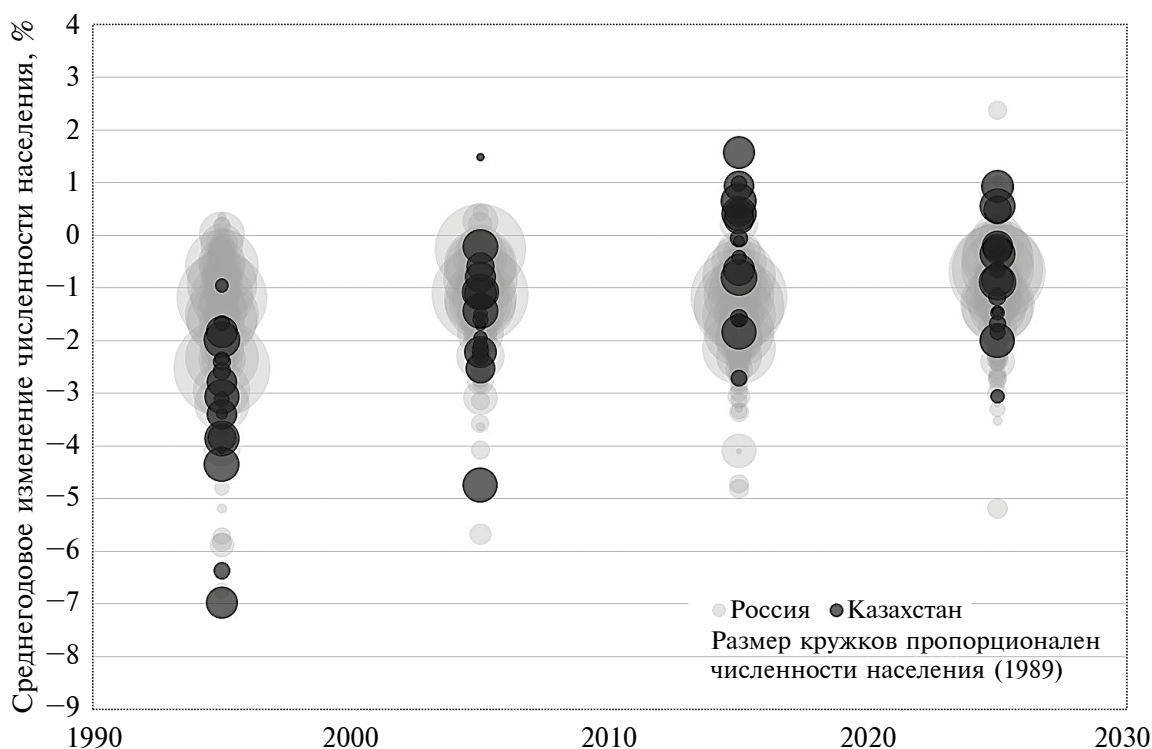

Рис. 5. Динамика численности населения в сжимающихся городах России и Казахстана, 1989–2025 гг. Составлено по данным переписей населения и текущей статистики России и Казахстана.

в которых между странами по-прежнему объясняются преимущественно демографическим фактором (различиями в уровне естественного прироста).

Анализ динамики фиксированной группы постоянно сжимающихся городов в разрезе типов динамических траекторий (табл. 3) позволяет сформулировать гипотезу тесной связи между предшествующими траекториями сжатия (на примере периода 1989–2021 гг.) и последующими темпами динамики городов (в 2021–2025 гг.).

Расхождения в уровне динамики рассматриваемых групп городов определяются различным набором факторов, очень часто даже их индивидуальными сочетаниями. Однако анализ новейшей динамики городов в разрезе выделенных типов траекторий предшествующего сжатия позволяет установить, что по крайней мере в случае России отчетливо прослеживается расхождение уровней наблюдаемой динамики по типам сжатия (первый тип — неблагоприятный, четвертый — позитивный). В Казахстане такие закономерности выражены слабее, особенно с учетом неравномерного распределения городов по типам траекторий сжатия и малых объемов выборки. При этом генеральные расхождения между типами также прослеживаются, формируя существенную дифференциацию в темпах сжатия.

На основании полученных результатов можно предположить, что различия в наблюдаемой динамике сжимающихся городов, в частности, свидетельствуют и о том, что преодоление негативной фазы сжатия оказывается на практике более весомым фактором для выхода из сжатия по сравнению с уровнем предвещающего спада. Иными словами, при объяснении уровня и интенсивности текущей динамики сжатия городов

необходимо принимать во внимание и предшествующие траектории сжатия.

ВЫВОДЫ

1. Исходные стартовые условия развития процессов городского сжатия на постсоветском пространстве и в развитых странах, несмотря на внешнее сходство имели существенные различия. Отправной точкой стали не столько структурные кризисы в экономике, сколько распад единого народнохозяйственного комплекса, затронувший разные отрасли экономики и, как следствие, почти единовременная деградация градообразующей базы многих городов. Эти процессы, начавшиеся в конце 1980-х годов протекали неравномерно, растянувшись почти на два десятилетия, и тем самым обусловили широкую географию городского сжатия в Российской Федерации и Республике Казахстан.

2. Хронологически городское сжатие в России и Казахстане развивалось в определенной противофазе: число сжимающихся российских городов росло от одного межпереписного периода к другому, а казахстанских, сразу достигнув максимума, быстро снизилось уже в 2000-х годах. На территории России с более разнообразной специализацией промышленных центров, часть из которых по инерции сохраняли хозяйственные связи, число сжимающихся городов продолжало расширяться и в 2000-х годах. В более ресурсном Казахстане большинство структурных проблем в экономике сжимающихся центров проявилось довольно быстро, а восстановившийся к концу первого десятилетия независимости демографический рост позволил купировать проблемы большинства из них.

3. И в России, и в Казахстане на первом этапе в 1989–2002 гг. хорошо проявилось сжатие в сырь-

Таблица 3. Динамика изменения численности населения постоянно сжимающихся городов по типам траекторий сжатия в 1989–2021 и в 2021–2025 гг.

Тип траектории	Характеристика динамики	Среднегодовое изменение численности населения, %			
		Россия		Казахстан	
		1989–2021 гг.	2021–2025 гг.	1989–2021 гг.	2021–2025 гг.
1	Ускорение сжатия	–1.33	–1.38	–1.36	–3.05
2	Возобновление сжатия	–1.61	–1.30	–1.82	–0.60
3	Преодоление пика сжатия	–1.34	–1.24	–2.30	–2.00
4	Замедление сжатия вплоть до выхода из сжатия или его исчерпания	–1.65	–1.13	–1.56	–0.60
В целом по группе		–1.46	–1.28	–1.62	–0.82

Составлено по расчетам авторов.

евых регионах разной специализации. В следующее десятилетие в РФ происходит расширение границ ареалов сжатия как “вглубь” (за счет новых городов Европейского Центра и Урала), так и “вширь” (в Черноземье, на Северный Кавказ и на юг Западной Сибири). В течение третьего межпереписного периода ареал сжатия несколько уменьшается лишь в более благополучных с точки зрения естественного воспроизводства регионах Северного Кавказа. В Казахстане география городского сжатия была наиболее широка в течение первого межпереписного периода и охватывала все ареалы концентрации городов, а на втором — его центр сместился в северные и восточные области республики. На третьем этапе число сжимающихся городов резко сократилось до отдельных проблемных центров в разных частях Казахстана.

4. Процесс урбанистического сжатия подобно многим социально-экономическим процессам характеризуется колебательной (волнообразной) динамикой, имеющей две проекции: временную и пространственно-иерархическую. В большинстве случаев фазы городского сжатия проходят в разных городах асинхронно, могут различаться по продолжительности и амплитуде, однако в итоге имеют определенные ограничения, как сущностные, так и чисто статистические (замедление депопуляции в малых городах, лимитированных пределами людности снизу, происходит раньше, чем в средних). Анализ динамического поведения группы сжимающихся городов показал, что вместе с тем для крупных совокупностей городов по мере преодоления кризисных периодов отчетливо проявляются тенденции консолидации около сдержанных уровней динамики.

5. В целом проблема сжатия приобретает все более комплексный характер, сдвигаясь из чисто экономической, как это было в начале 1990-х годов, в социально-демографическую плоскость. Исходные экономические причины подталкивают население к разным формам кризисной адаптации с пониженным естественным приростом и миграцией. Сама экономика в свою очередь оптимизируется и уже не требует прежнего количества занятых, а градообразующие предприятия, продолжая играть существенную роль в бюджетном процессе, перестают быть для многих городов социальным стержнем, желанным местом работы, что сказывается на социальной и профессиональной структуре населения. Одновременно отсутствие жизненных альтернатив подталкивает молодые поколения к миграции в крупные города.

6. Различия в циклах сжатия между отдельными городами являются не только следствием

различной динамики экономического развития. Смена фаз динамики определяется прохождением различных демографических циклов, изменениями внутренней миграционной подвижности населения и внешними миграциями. В обеих странах фактором вариативности всех этих процессов внутри рассматриваемых выборок городов служит и географическое положение отдельных центров, прежде всего в зоне влияния городских агломераций, и собственно объем выборок, что создает чуть большую вариацию динамических показателей среди российских сжимающихся городов.

7. В целом в 2010–2021 гг. прослеживаются тенденции преодоления сжатия в Казахстане, возврата к сжатию в России (во многом за счет потерь в результате возобновления негативных демографических тенденций и частично проявившихся в конце периода ковидных потерь населения). Важным аспектом динамики казахстанских городов стало их расслоение по темпам в период выхода из стадии сжимания. При этом в России, наоборот, отмечалась консолидация этой группы по характеру динамики, в том числе среди крупных городов.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Статья подготовлена в рамках госзадания НИР кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова “Современная динамика и факторы социально-экономического развития регионов и городов России и стран Ближнего Зарубежья” № 121051100161-9.

FUNDING

The article was prepared as part of the state assignment for research by the Department of Economic and Social Geography of Russia at the Faculty of Geography of Lomonosov Moscow State University “Modern Dynamics and Factors of Socioeconomic Development of Regions and Cities in Russia and the CIS Countries” no. 121051100161-9.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонов Е.В., Денисов Е.А., Ефремова В.А., Фаддеев А.М.* Современные проблемы развития убывающих городов на северо-востоке Республики Коми // Вестн. Моск. ун-та. Серия 5. География. 2014. № 2. С. 55–61.
- Айтказина З.Н.* Формирование систем городского расселения в Казахстане // Демоскоп Weekly. 2006. № 245–246. <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0245/analit04.php> (дата обращения 05.09.2025).

- Гулько М.С., Еременко Ю.А., Батунова Е.Ю. Стратегии планирования в условиях городского сжатия в России: исследование малых и средних городов // Мир России. 2020. № 3. С. 121–141.
- Ефремова В.А. Отечественный и зарубежный опыт изучения городов, теряющих население: тематика, методы и центры исследований // Региональные исслед. 2015. № 3. С. 86–98.
- Землянский Д.Ю., Ламанов С.В. Сценарии развития монопрофильных городов России // Вестн. Моск. ун-та. Серия 5. География. 2014. № 4. С. 69–74.
- Зубаревич Н.В. Крупный бизнес в регионах России: территориальные стратегии развития и социальные интересы. М.: Поматур, 2005. 101 с.
- Искалиев Д.Ж. Городское расселение Казахстана: тенденции и факторы // Наука. Инновации. Технологии. 2017. № 2. С. 131–146.
- Махрова А.Г., Сафронов С.Г. Сжимающиеся города Казахстана: тенденции развития в постсоветский период // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Науки о Земле. 2025. № 70 (3). С. 521–537.
<https://doi.org/10.21638/spbu07.2025.304>
- Сергеева А.М., Терещенко Т.А. Трансформация депрессивных городов Западного Казахстана // Центральноазиатский журн. геогр. исслед. 2022. № 1–2. С. 49–60.
- Averkieva K., Efremova V. Urban shrinkage In Russia Concepts and causes of urban population loss in the post-Soviet period // Postsocialist Shrinking Cities. London: Routledge, 2022. P. 147–159.
- Audirac I. Introduction: Shrinking cities from marginal to mainstream: Views from North America and Europe // Cities. 2018. № 75 (October 2017). P. 1–5.
<https://doi.org/10.1016/j.cities.2017.10.012>
- Batty M. The Size, Scale, and Shape of Cities // Science. 2008. № 319. P. 769–771.
<https://doi.org/10.1126/science.1151419>
- Batunova E., Gunko M. Urban shrinkage: an unspoken challenge of spatial planning In Russian small and medium-sized cities // Europ. Plan. Stud. 2018. № 26 (8). P. 1580–1597.
- Batunova E., Gunko M. Diverse landscape of urban and regional shrinkage In Russia preconditions versus preconceptions in planning and policy // Postsocialist Shrinking Cities. London: Routledge, 2022. P. 160–177.
- Bernt M. The limits of shrinkage: conceptual pitfalls and alternatives in the discussion of urban population loss // Int. J. Urban Reg. Res. 2016. № 40 (2). P. 441–450.
- Cottineau C. A Multilevel Portrait of Shrinking Urban Russia // Espace, Populations, Sociétés. 2016.
<https://journals.openedition.org/eps/6123> (accessed 12.08.2025).
- Haase A., Rink D., Grossmann K., et al. Conceptualizing urban shrinkage // Environ. Plan. A. 2014. № 46. P. 1519–1534.
- Haase A., Bontje M., Couch C., et al. Factors driving the regrowth of European cities and the role of local and contextual impacts: A contrasting analysis of regrowing and shrinking cities // Cities. 2021. № 108. Art. 102942.
<https://doi.org/10.1016/j.cities.2020.102942>
- Hummel D. Right-sizing Cities in the United States: Defining its Strategies // J. Urban Aff. 2014. № 37. P. 397–409.
- Hospers G.J. Policy responses to urban shrinkage: From growth thinking to civic engagement // Eur. Plan. Stud. 2014. № 22 (7). P. 1507–1523.
- Makhrova A.G., Kirillov P.L., Balaban M.O., et al. Post-Soviet Trajectories of Russian Shrinking Cities // Reg. Res. Russ. 2023. № 13. P. 712–724.
<https://doi.org/10.1134/S207997052370096X>
- Martinez-Fernandez C., Audirac I., Fol S., et al. Shrinking cities: Urban challenges of globalization // Int. J. Urban Reg. Res. 2012. № 36 (2). P. 213–225.
<https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.2011.01092.x>
- Meng X., Long Y. Shrinking cities in China: Evidence from the latest two population censuses 2010–2020 // Environ. Plan. A. 2022. № 54 (3). P. 449–453.
<https://doi.org/10.1177/0308518X221076499>
- Mikel G. Incorporating the life-course approach into shrinking cities assessment: The uneven geographies of urban population decline // Eur. Plan. Stud. 2020. № 28. P. 732–748.
- Newsham N., Rowe F. Understanding trajectories of population decline across rural and urban Europe: A sequence analysis // Pop. Space Place. 2023. № 29 (3). P. 1–16.
<https://doi.org/10.1002/psp.2630>
- Oswalt P., Haslam D., Kil W., et al. Shrinking Cities, Vol. 1. International Research. Ostfildern, Ruit: Hatje Cantz Verlag, 2006a. 864 p.
- Oswalt P., Rieniets T., Beyer E., et al. Atlas of shrinking cities. Ostfildern: Hatje Cantz, 2006b. 160 p.
- Pallagst K. Shrinking cities in the United States of America // The Future of Shrinking Cities: Problems, Patterns and Strategies of Urban Transformation in a Global Context. Los Angeles: Univ. of California, 2009. P. 81–88.
- Pallagst K., Schwarz T., Popper F., et al. Planning Shrinking Cities // Progress in Planning. 2009. October 2009. Vol. 72. № 4. P. 223–232.
- Postsocialist Shrinking Cities / C.-T. Wu, M. Gunko, T. Strykiewicz, K. Zhou (Eds.). Routledge, 2022. 392 p.
<https://doi.org/10.4324/9780367815011>
- Reckien D., Martinez-Fernandez C. Why do cities shrink? // Eur. Plan. Stud. 2011. Vol. 19. № 8. P. 1375–1397.
<https://doi.org/10.1080/09654313.2011.593333>
- Rink D., Couch C., Haase A., et al. The Governance of Urban Shrinkage in Cities of Post-Socialist Europe:

- Policies, Strategies and Actors // *Urban Res. Pract.* 2014. № 7. P. 258–277.
- Rink D., Haase F., Burnt M. Specification of working model // *Shrink Smart Research Workpage*. September, 2009. № 1. Leipzig: Helmholtz Centre for Environmental Research, 2009. 43 p.
- Silverman R. Rethinking shrinking cities: Peripheral dual cities have arrived // *J. Urban Aff.* 2020. № 42 (3). P. 294–311.
<https://doi.org/10.1080/07352166.2018.1448226>
- Silverman R.M., Yin L., Patterson K.L. Dawn of the dead city: An exploratory analysis of vacant addresses in Buffalo, NY 2008–2010 // *J. Urban Aff.* 2013. № 35 (2). P. 131–152.
<https://doi.org/10.1111/j.1467-9906.2012.00627.x>
- Strykiewicz T. Urban Shrinkage in Post-Socialist Countries // *Pskov Regionol. Zh.* 2022. № 18 (1). P. 3–13.
<https://doi.org/10.37490/S221979310017505-8>
- Xu X., Ma J., Sho K., et al. Urban Growth Divides: The inevitable structure of shrinking cities in urbanization evolution // *Cities*. 2024. № 158. P. 1–13.
<https://doi.org/10.1016/j.cities.2024.105638>
- Wang J., Yang Z., Qian X. Driving factors of urban shrinkage: Examining the role of local industrial diversity // *Cities*. 2020. № 99 (2). Art. 102646.
<https://doi.org/10.1016/j.cities.2020.102646>

Shrinking Cities in Post-Soviet Russia and Kazakhstan: Common and Individual Trends

P. L. Kirillov^{a,*}, A. G. Makhrova^{a,**}, and S. G. Safronov^{a,***}

^a*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

*e-mail: linard@mail.ru

**e-mail: almah@mail.ru

***e-mail: saffff@mail.ru

The purpose of the paper is to understand the specific features of shrinkage of urban space in Russia and Kazakhstan during the post-Soviet period. Research methodology combined analysis of changes in number and population of shrinking cities, studying timeline of shrinkage across regions, identification of typical trajectories and factors contributing to their decline, and trends in current dynamics. Analysis conducted using census data and based on average annual population decline index (1% or more) in 1989–2025 revealed that urban shrinkage in these two largest post-Soviet states had both common features driven by a high share of single-industry towns and sparse settlement patterns, and differences related to natural population change (growth or decline) and migration. In Russia, after a slowdown between 2010 and 2021, processes of urban shrinkage have tended to expand spatially, while in less urbanized Kazakhstan, shrinkage has gradually become localized in a limited number of centers in the northern and eastern regions. Analysis of shrinkage trajectory types shows that both in Kazakhstan and Russia, cities located within urban agglomerations also used to occasionally fall into this group. In both countries the general situation is improving for most regional centers, in Kazakhstan this improvement is faster due to natural population increase. Stagnant decline is experienced mainly by towns, many of which are district centers and industrial single-industry towns.

Keywords: urban dynamics, depopulation, post-Soviet states, urban shrinkage trajectories, urban shrinkage factors

REFERENCES

- Aitkazina Z.N. Formation of urban settlement systems in Kazakhstan. *Demoscope Weekly*, 2006, no. 245–246. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0245/analit04.php> (accessed 05.09.2025). (In Russ.).
- Antonov E.V., Denisov E.A., Efremova V.A., Faddeev A.M. Modern problems of the development of shrinking cities in the northeast of the Komi Republic. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2014, no. 2, pp. 55–61. (In Russ.).
- Audirac I. Introduction: Shrinking cities from marginal to mainstream: Views from North America and Europe. *Cities*, 2018, no. 75, pp. 1–5.
<https://doi.org/10.1016/j.cities.2017.10.012>
- Averkieva K., Efremova V. Urban shrinkage in Russia: concepts and causes of urban population loss in the post-Soviet period. In *Postsocialist Shrinking Cities*. London: Routledge, 2022, pp. 147–159.
- Batty M. The size, scale, and shape of cities. *Science*, 2008, vol. 319, pp. 769–771.
<https://doi.org/10.1126/science.1151419>

- Batunova E., Gunko M. Urban shrinkage: An unspoken challenge of spatial planning in Russian small and medium-sized cities. *Eur. Plan. Stud.*, 2018, vol. 26, no. 8, pp. 1580–1597.
- Batunova E., Gunko M. Diverse landscape of urban and regional shrinkage in Russia preconditions versus preconceptions in planning and policy. In *Post-socialist Shrinking Cities*. London: Routledge, 2022, pp. 160–177.
- Bernt M. The limits of shrinkage: conceptual pitfalls and alternatives in the discussion of urban population loss. *Int. J. Urban Reg. Res.*, 2016, vol. 40, no. 2, pp. 441–450.
- Cottineau C.A. Multilevel portrait of shrinking urban Russia. In *Espace, Populations, Sociétés*, 2016. Available at: <https://journals.openedition.org/eps/6123> (accessed: 12.08.2025).
- Efremova V.A. Domestic and foreign experience in studying cities losing population: topics, methods and research centers. *Reg. Issled.*, 2015, no. 3, pp. 86–98. (In Russ.).
- Gunko M., Eremenko Yu., Batunova E. Planning Strategies in the context of urban shrinkage In Russia: Evidence from small and medium-sized cities. *Mir Ross.: Sotsiol., Entol.*, 2020, vol. 29, no. 3, pp. 121–141. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-3-121-141>
- Haase A., Bontje M., Couch C., et al. Factors driving the regrowth of European cities and the role of local and contextual impacts: A contrasting analysis of regrowing and shrinking cities. *Cities*, 2021, vol. 108, art. 102942.
<https://doi.org/10.1016/j.cities.2020.102942>
- Haase A., Rink D., Grossmann K., et al. Conceptualizing urban shrinkage. *Environ. Plan. A*, 2014, vol. 46, pp. 1519–1534.
- Hummel D. Right-sizing cities in the United States: Defining its strategies. *J. Urban Aff.*, 2014, vol. 37, pp. 397–409.
- Hospers G.J. Policy responses to urban shrinkage: From growth thinking to civic engagement. *Eur. Plan. Stud.*, 2014, vol. 22, no. 7, pp. 1507–1523.
- Iskaliyev D.Zh. Urban settlement of Kazakhstan: trends and factors. *Nauka. Innov. Tekhnol.*, 2012, no. 2, pp. 131–146. (In Russ.).
- Makhrova A.G., Safronov S.G. Urban decline in Kazakhstan: Development trends in the post-Soviet period. *Vestn. S.-Peterb. Univ. Nauki Zemle*, 2025, vol. 70, no. 3, pp. 521–537. (In Russ.).
<https://doi.org/10.21638/spbu07.2025.304>
- Makhrova A.G., Kirillov P.L., Balaban M.O., et al. Post-Soviet trajectories of Russian shrinking cities. *Reg. Res. Russ.*, 2023, no. 13, pp. 712–724.
<https://doi.org/10.1134/S207997052370096X>
- Martinez-Fernández C., Audirac I., Fol S., et al. Shrinking cities: Urban challenges of globalization. *Int. J. Urban Reg. Res.*, 2012, vol. 36, no. 2, pp. 213–225.
<https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.2011.01092.x>
- Meng X., Long Y. Shrinking cities in China: Evidence from the latest two population censuses 2010–2020. *Environ. Plan. A*, 2022, vol. 54, no. 3, pp. 449–453.
<https://doi.org/10.1177/0308518X221076499>
- Mikel G. Incorporating the life-course approach into shrinking cities assessment: The uneven geographies of urban population decline. *Eur. Plan. Stud.*, 2020, vol. 28, pp. 732–748.
- Newsham N., Rowe F. Understanding trajectories of population decline across rural and urban Europe: A sequence analysis. *Pop. Space Place*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 1–16.
<https://doi.org/10.1002/psp.2630>
- Oswalt P., Haslam D., Kil W., et al. *Shrinking Cities. Vol. 1. International Research*. Ostfildern, Ruit: Hatje Cantz Verlag, 2006a.
- Oswalt P., Rieniets T., Beyer E., et al. *Atlas of shrinking cities*. Ostfildern: Hatje Cantz, 2006b.
- Pallagst K. Shrinking cities in the United States of America. In *The Future of Shrinking Cities: Problems, Patterns and Strategies of Urban Transformation in a Global Context*. Los Angeles: University of California Press, 2009, pp. 81–88.
- Pallagst K., Schwarz T., Popper F., et al. Planning Shrinking Cities. *Progr. Plan.*, 2009, vol. 72, no. 4, pp. 223–232.
- Postsocialist Shrinking Cities*. Wu C.-T., Gunko M., Stryjakiewicz T., Zhou K., Eds. Routledge, 2022.
<https://doi.org/10.4324/9780367815011>
- Reckien D., Martinez-Fernandez C. Why do cities shrink? *Eur. Plan. Stud.*, 2011, vol. 19, no. 8, pp. 1375–1397.
<https://doi.org/10.1080/09654313.2011.593333>
- Rink D., Haase F., Burnt M. *SHRINK SMART — The Governance of Shrinkage within a European Context. WP1 report: Specification of working model. September, 2009*. Leipzig: Helmholtz Centre for Environmental Research, 2009. 43 p. Available at: https://www.ufz.de/export/data/400/39013_WP1_Paper_D1_D3_FINAL300909.pdf (accessed: 12.08.2025).
- Rink D., Couch C., Haase A., et al. The governance of urban shrinkage in cities of post-socialist Europe: Policies, strategies and actors. *Urban Res. Pract.*, 2014, pp. 7, pp. 258–277.
- Sergeeva A.M., Tereshchenko T.A. Transformation of depressed cities of Western Kazakhstan. *Tsentral'noaziatsk. Zh. Geogr. Issled.*, 2022, no. 1–2, pp. 49–60. (In Russ.).
- Silverman R. Rethinking shrinking cities: Peripheral dual cities have arrived. *J. Urban Aff.*, 2020, vol. 42, no. 3, pp. 294–311.
<https://doi.org/10.1080/07352166.2018.1448226>

- Silverman R.M., Yin L., Patterson K.L. Dawn of the dead city: An exploratory analysis of vacant addresses in Buffalo, NY 2008–2010. *J. Urban Aff.*, 2013, vol. 35, no. 2, pp. 131–152.
<https://doi.org/10.1111/j.1467-9906.2012.00627.x>
- Stryjakiewicz T. Urban shrinkage in post-socialist countries. *Pskov Regionol. Zh.*, 2022, vol. 18, no. 1, pp. 3–13.
<https://doi.org/10.37490/S221979310017505-8>
- Xu X., Ma J., Sho K., et al. Urban growth divides: The inevitable structure of shrinking cities in urbanization evolution. *Cities*, 2024, vol. 158, pp. 1–13.
<https://doi.org/10.1016/j.cities.2024.105638>
- Wang J., Yang Z., Qian, X. Driving factors of urban shrinkage: Examining the role of local industrial diversity. *Cities*, 2020, vol. 99, no. 2, art. 102646.
<https://doi.org/10.1016/j.cities.2020.102646>
- Zemlyansky D.Yu., Lamanov S.V. Scenarios of development for mono-functional towns in Russia. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2014, no. 4, pp. 69–74. (In Russ.).
- Zubarevich N.V. *Krupnyi biznes v regionakh Rossii: territorial'nye strategii razvitiya i sotsial'nye interes* [Large Business in the Regions of Russia: Territorial Development Strategies and Social Interests]. Moscow: Pomatur Publ., 2005.